

Зловещую тишину храма прерывали лишь равномерный звук капель крови, падавших на мрамор, да прерывистое дыхание девушки. Вдох — выдох. Вдох — выдох. Затем пауза — и снова неровный гортанный хрип. Она была практически готова. Ну и пришлось же ему повозиться! Она истекала кровью, что было неудивительно после всех его стараний, и все же ему было не по себе. А что ему оставалось делать? Ему не дали времени раскрутить эту девку, задавить ее морально, оставалось лишь одно: вызвать боль и страх. Пускай это и не самый профессиональный и эффективный подход к делу. Он надеялся пытками выдать из нее признание, но она продержалась дольше отведенного ему времени. Какая досада! Иногда достаточно надеть перчатку и медленно сжать руку в кулак — и как только натянутая кожа на перчатке начинает зловеще трещать, жертва ломается и начинает говорить так быстро, что только успевай записывать. Такие допросы ему нравились больше: в них все было просто и понятно. Но попадались и крепкие орешки — а эта девица оказалась настоящим кремнем. Ее не сломал ни один метод пытки. Будь у него больше времени, возможно, он бы добился результата, но ему дали всего лишь пару часов. Лишь пара часов — для такой стойкой натуры. Сильной и волевой. Им будут недовольны, но чего они ожидали? В конце концов, он их предупреждал. Вот если бы он смог как следует подготовить ее: на несколько дней лишит сна, бросить сначала в жаркую, потом в холодную камеру, а после оставить в полнейшей темноте и тишине... После этого можно было надеяться на результат. Будь у него дополнительное время и привычные

инструменты под рукой, он бы выжал из нее то, чего она сама не знала. Но сейчас ему приходилось довольствоваться лишь кожаным фартуком, перчатками и зданием церквушки — и у него была всего пара часов.

Вся эта ситуация ему не нравилась. Конечно, его действия были санкционированы — как ему сказали, на самом высшем уровне. Но даже если так. Если его застанут здесь, рядом с лужей крови возле алтаря, выкрутиться будет сложно. Любой прохожий, заглянувший сюда с улицы, решит, что он маньяк.

Дыхание жертвы снова замедлилось, и он посмотрел на нее, оценивая результат своей работы. Ее огромные черные зрачки расширились. В глазах мрачным отблеском отражался приглушенный свет и читалась покорная готовность принять смерть. Он попытался найти в них следы страха, но не смог.

Вот так всегда: в определенный момент они оказывались за чертой страха и даже боли, и тогда один дьявол мог вернуть их к сознанию. Он наклонился к девушке ближе: может, у него получится заглянуть в мир иной через эти красивые глаза? Но в них ничего не было, ее взгляд был исступленно направлен в потолок — никаких признаков жизни. На куполе виднелись лики каких-то святых — наверное, она смотрела на них. Он наклонился, чтобы заслонить собой изображение, но девушка продолжала смотреть сквозь него.

На таком расстоянии запах не так давил на его сознание. Он отчетливо чувствовал сладковатый запах крови, к которому примешивался аромат мыла и влажных волос и еще чего-то неопределенного. Эта удивительная смесь почему-то напомнила ему о ребенке. Он помнил этот запах с первых дней жизни своего сына — теплый аромат,

наполнявший его сердце счастьем. Где она взяла это мыло? В стране на него большой дефицит. Его можно достать разве что по знакомству или в валютном магазине, но даже туда его завозили не всегда. Потом он догадался: скорее всего, она привезла его с собой. Американское мыло. Да, точно. Капиталистическое мыло. Неожиданно для себя он почувствовал жалость к девушке. Слезы смыли кровь с ее щек, и перед ним открылись черты ее красивого лица. Тонкие крылья носа тяжело раздувались. На мгновение он задержал дыхание, словно боясь затуманить эти бездонные глаза, потом сглотнул и отбросил эмоции в сторону. Сейчас не время для сантиментов. С первого дня службы ему читали наставления о вреде неуместной жалости и о страшных последствиях, к которым она приводит. Сейчас он должен привести ее в чувства, сделать последнюю попытку.

Он приложил пальцы к шее девушки — она была жива, но пульс прощупывался очень слабо. Он приподнялся и потянулся за нюхательной солью. Слякка была измазана кровью — он уже применял ее дважды. Одна его половина была готова отпустить жертву с миром, но у него были четкие инструкции, и, пока оставалась хотя бы призрачная надежда получить от нее информацию, надо пытаться. Он откупорил флакон и приподнял голову девушки. Она попыталась вырваться, но была слишком слаба для серьезного сопротивления. Сначала соль не помогла, но когда он отвернулся, чтобы положить слякку назад в портфель, то заметил, что она следит за его движениями и, похоже, пытается что-то сказать. Он взял нож и разрезал повязку с кляпом, в спешке поцарапав ее щеку. Как только он вытащил кляп, девушка начала откашливаться. Ее белые зубы резко контрастировали с алым

цветом крови во рту, и только сейчас он заметил, насколько тонкими и мертвенно-бледными были ее губы. Она с трудом пошевелилась, отчего дыхание стало неровным и ей понадобилось какое-то время, чтобы отдышаться. Она сглотнула слюну и сконцентрировала на нем взгляд. Не отрывая от девушки глаз, он чуть наклонился, чтобы расслышать ее слова. Она что-то пробормотала. Он наклонился ближе и покачал головой, давая понять, что не расслышал. Она собралась с силами, глубоко вздохнула и, глядя ему прямо в глаза, сказала:

— Я прощаю тебя.

Произнесла она это снисходительно. Так, будто он всего лишь позабавил ее.

Глава 1

В этот день капитан Алексей Дмитриевич Королев позднее обычного поднимался по ступенькам здания на Петровке, 38 — штаб-квартиры Московского уголовного розыска. Утро началось скверно и не сулило ничего хорошего. Капитан до сих пор не мог отойти от похмелья после вчерашнего. «Сегодня на стахановское рвение можно не рассчитывать», — подумал он, с трудом отворяя тяжелую дубовую дверь. После яркого уличного света глаза какое-то время привыкали к темноте вестибюля, а он пытался разглядеть что-то среди клубов каменной пыли на входе, но, не обнаружив привычного присутствия дежурных офицеров и утренней суматошной беготни коллег, остановился, пытаясь понять, что происходит. Он искал глазами источник пыли и мусора и наконец рассмотрел сквозь пылевую завесу какое-то движение на лестничной площадке, где стояла статуя бывшего Генерального комиссара государственной безопасности Генриха Григорьевича Ягоды. По всей очевидности, ее громили чем-то очень тяжелым. Невероятный шум, усиливаемый отличной акустикой атриума с мраморным полом и стенами, оглушил Королева. Он, наступая на валявшиеся под ногами обломки, поднялся туда. Укутанная в покрывало фигура Генерального комиссара массивной грудой возвышалась на пьедестале, вокруг которого возились оголенные до пояса рабочие, вооруженные ломом, молотками и механической дрелью. Очевидно, у них была задача демонтировать статую, но пьедестал никак не поддавался. Королев приблизился к одному из